

ставителей администрации города, которые отправлялись в ежегодную служебную поездку в Трапезунд. Текст ценен именно тем, что с полной ясностью устанавливает зависимость Херсона в XIII в. от Трапезундской империи. Хотя А. Л. Якобсон и предупреждает, что указанный текст и текст Ибн-ал-Асира, описавшего бегство населения и купцов после захвата Судака татарами в 1223 г. и бегство русских купцов в М. Азию после битвы при Калке, имеют в виду разные события, тем не менее, он почему-то отходит от прямого и простого понимания текста легенды о св. Евгении и обнаруживает в нем сначала „мирное путешествие херсонской знати и купечества в Трапезунд“ (стр. 28), а несколько ниже — „бегство херсонской знати и купечества из Херсона“ (стр. 29). Кроме того, оторвавшись от текста арабского писателя, автор без всяких оснований прибавляет то, о чем в арабском тексте нет ни слова, а именно — что судакские купцы бежали „частью на Русь“ (стр. 29). Как могло бы это быть, если татары, после победы на Калке, рассеялись в степи, гнали и грабили убежавших, которым не было известно, куда направятся их преследователи (после Калки татары пошли на Булгар, где потерпели поражение), а кроме того, вступившие в Крым татарские отряды также отрезали путь на север. Следовательно, незачем было „подкреплять“ сообщение Ибн-ал-Асира превратно истолкованным текстом легенды о св. Евгении, вычитав в рассказе о доставке государственной подати из Херсона в Трапезунд мнимое бегство херсонской знати и купечества; незачем было и направлять спасающихся от татар судакских купцов „на Русь“, когда источник об этом ничего не говорит.

Весьма небрежно процитирован текст из „Истории ромеев“ Никифора Григоры; он приведен с пропуском, хотя опущенные слова о выходе венецианских триер из Босфора (τὸν τοῦ Εὐξείνου πύλου διασωσάντες αἰχμήν)¹ были бы весьма интересны для понимания данного места хроники; кроме того, в нем говорится о „порте Византия“, т. е. Константинополя, а вовсе не о каких-то неопределенных „гаванях Византии“ (стр. 38).

Если бы автор поинтересовался нужной ему статьей договора от 6 мая 1352 г. между Иоанном Кантакузином и Генуей, то увидел бы, что запрещение плавать в Тану касалось только византийских судов, но вовсе не касалось венецианских (стр. 39).

Чрезвычайно важный для истории Крыма договор 1381 г. содержит, как известно, специальный пункт о подчинении генуэзцам 18 селений вокруг Солдайи, на которых была возложена уплата подати; эта обязанность выражена словом „rendenti“, вовсе не обозначающим „присоединенные“ (стр. 39). Кроме того, те же „18 приморских деревень“, по А. Л. Якобсону (стр. 19, прим. 2), составляли будто бы „морское побережье Готии“, что неверно; эта „giperia marina Gotie“ являлась полосой побережья между Судаком и Балаклавой, 18 же селений вокруг Судака не имели к ней прямого отношения.

Дошедший до нас неполностью договор 1204 г. о разделе владений Византийской империи не являлся договором „между Балдуином и Дандоло“ (стр. 28, прим. 1), а официальным соглашением между вождями крестоносцев и Венецией, фиксировавшим раздел владений после завоевания 1204 г.

В небольшом отрывке из записок Вильгельма Рубрука (стр. 26) допущены три неточности, объяснимые тем, что автор пользовался переводом А. Ю. Малеина, который, будучи классиком, перевел

¹ Nicephorus Gregoras. Byzantina historia, cura L. Schopeni, v. II, Bonn., 1830, p. 880.